

¹⁹ Письма К. А. Сомова к К. М. Животовской (1925–1938) / Подг. текстов, вступ. ст. Т. С. Царьковой; коммент. и биогр. справка Е. П. Яковлевой; пер. с англ. Е. А. Тереховой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 482.

²⁰ Толстой А. В. Художники русской эмиграции. М., 2005. С. 161.

²¹ Цит. по: L'Art russe, souvenir de l'exposition d'Art russe.

Статья поступила в редакцию 01.09.2007 г.

И. Ф. Обухова

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИВИЛЕГИЙ КОРОЛЕВСКОГО АББАТСТВА СЕН-ДЕНИ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Готическая архитектура возникает в конце 30-х гг. XII в. недалеко от столицы государства франков, одновременно в двух его самых важных центрах: Сансе, где кафедральный собор святого Стефана был главным религиозным центром (*primat*) галлов¹ и в аббатстве Сен-Дени, покровителем которого являлся первый епископ Франции и которое к XII в. уже становится главной усыпальницей Капетингов. Начало перестройки собора в Сансе относят к концу 30-х гг. XII в.: строительство новой абсиды начинается в 1137 г., но работы продолжаются больше 10 лет и в законченном виде главный собор Французского королевства уже не воспринимался современниками как небывалое архитектурное новшество. Аббат Сугерий решает на радикальные перемены в аббатской церкви Сен-Дени в эти же годы и закладывает первый камень нового западного фасада. Через семь лет, 11 июня 1144 г., в аббатство Сен-Дени съезжаются все архиепископы и епископы Франции на торжественное освещение абсиды новой церкви, которое состоялось при непосредственном участии Людовика VII. Таким образом, именно аббатской церкви Сен-Дени было суждено сыграть роль первого памятника готической архитектуры.

Об аббатстве Сен-Дени в западной средневековой литературе существует обширная специальная литература. Первая основательная монография, посвященная монастырю, была издана мористами в 1706² и на протяжении трех веков к изучению монастырского комплекса обращались и историки, и философы, и искусствоведы³. Однако из этого обширного наследия российскими исследователями фактически используется лишь одна статья: «Аббат Сю-

ОБУХОВА Ирина Федоровна — ассистент кафедры музееведения и прикладной культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

© Обухова И. Ф., 2007

жер и аббатство Сен-Дени» (1946), принадлежащая перу великого искусствоведа XX в. Эрвина Панофского и переведенная на русский язык в 1992 г. В этом небольшом очерке о Сугерии, который был написан Панофским как вступление к его работе «*Abbot Suger on the Abbey Church of Saint-Denis and its Art treasures*», автор заостряет внимание прежде всего на личности Сугерия и впервые раскрывает перед нами многогранность талантов знаменитого аббата. Говоря же о самом аббатстве, он ограничивается краткой информацией об истории его возникновения, а сведения, подтверждающие важность реликвий святого Дионисия и исторического значения монастыря, он берет из трудов самого Сугерия.

В отечественной специальной литературе информация о Сен-Дени сводится к кратким обзорам истории и архитектуры аббатства. Развернутой монографии об этом уникальном архитектурном комплексе в отечественной медиэвистике не существует. Небольшой обзор истории монастыря можно найти в книге Е. П. Юваловой «Сложение готики во Франции»⁴, но основан он в основном на материалах 1960–1980-х гг., французские исследования последних двадцати лет в него не вошли, и внимание автора не заостряется на роли исторических привилегий монастыря в возникновении готической архитектуры.

В большом сборнике «Готика»⁵, вышедшем под руководством Рольфа Томана в 1998 г. в Германии и переведенном на русский язык два года спустя, уже определенно отмечается историческая роль самого аббатства в программе Сугерия по перестройке монастыря: «Именно здесь, в месте важнейшего исторического значения, аббат Сугерий в ходе работ по реконструкции аббатства (1137–1144) стал основоположником нового типа храмовой архитектуры», но, как и во всех вышеназванных работах, автор подробно не останавливается на том, в чем же конкретно заключалось это важнейшее историческое значение монастыря, он лишь перечисляет два из них: «В эпоху Меровингов эта церковь служила местом погребения королей, а при Каролингах пользовалась славой одной из главных церквей государства». В своей статье «Зарождение и развитие готической архитектуры во Франции и соседних странах» из этого же сборника Бруно Кляйн добавляет к этому несколько общеизвестных сведений из истории монастыря и, отмечая «сложную и значительную роль» аббатства Сен-Дени «в национальной политике французских монархов», сразу переходит к идеологическим стратегиям Сугерия, нашедшим отражение в архитектуре перестраиваемой им церкви.

Сугерия по праву считают «отцом» готической архитектуры, без его участия церковь Сен-Дени не смогла бы войти в историю как первый готический памятник. В связи с этим возникает вопрос: смог бы Сугерий, стоящий во главе самого древнего аббатства франков, реализовать свои смелые планы в другой обители. Или королевский статус и богатая история монастыря

нужны были ему не меньше, чем его эстетический опыт, теологические знания и огромные денежные средства?

Настоящая статья предлагает рассмотреть наиболее значимые этапы в истории аббатства Сен-Дени до Сугерия в ракурсе последних европейских исследований, а также затрагивает вопрос о связи исторических привилегий монастыря с личными мотивами и политическими амбициями Сугерия, которые в конечном итоге и привела его к новому пространственному мышлению в организации литургического действа.

Безусловно, свою радикальную программу по изменению облика и политического положения монастыря Сугерию удалось воплотить в жизнь благодаря своим незаурядным способностям и разносторонним талантам, но, отдавая дань его заслугам, нужно учитывать особый статус и богатую важными событиями историю Сен-Дени. Почти сразу после своего основания обитель святого Дионисия принимает покровительство короля франков и в течение последующих веков накапливает впечатляющее количество привилегий, закрепленных королевскими хартиями и папскими буллами. Таким образом, Сугерий имел достаточно оснований для того, чтобы настойчиво добиваться особого статуса для своего аббатства и возводить его в ранг главного монастыря королевской власти.

Что же представляло собой аббатство Сен-Дени до того, как девятилетний Сугерий был отдан отцом на воспитание в святилище первого епископа франков. История монастыря наполнена противоречиями, дошедшие до нас средневековые тексты не позволяют точно определить, сколько построек и какого типа существовало к этому времени, кем и когда они возводились. На сегодняшний день принято считать, что монастырь был основан на месте часовни, построенной покровительницей города Парижа святой Женевиевой во второй половине V в. над могилой святого Дионисия — первого парижского епископа. Наличие же фрагментов галло-романского рельефа, использованных впоследствии при строительстве каролингской крипты, говорит о существовании на этом месте еще и античной постройки, близкой по своему значению к мавзолею. За полтора века археологических исследований базилики Сен-Дени было обнаружено десять блоков с частями галло-романской скульптуры, половина из них, несомненно, является фрагментами античного фриза. Однако доказательств прямой связи античного сооружения с захоронениями великомученика Дионисия и двух его соратников — Рустика и Елетера — пока не найдено, не известно точно, когда на этом месте был основан монастырь. Первое упоминание о монахах Сен-Дени относится к середине VII в., когда при содействии королевы Батильды (Bathilde, 635–680)⁶ небольшая религиозная коммуна начинает приживаться правил святого Бернара и возводится в статус монастыря.

Еще до возникновения монастыря базилика Сен-Дени была привилегированным местом в королевстве Меровингов, где королевские особы нахо-

дили порой свое последнее пристанище. В середине XX в. во время археологических раскопок под руководством Эдуарда Сапэна и Мишеля Флери было доказано существование в средневековую эпоху не только целого религиозного комплекса на месте реликвий святого Дионисия, но был открыт и некрополь Меровингов с уцелевшими захоронениями второй половины V — начала VII в. Самой яркой находкой раскопок стала могила № 49, сохранившиеся в ней останки Мишель Флери идентифицировал с личностью королевы Арегонды, упоминавшейся Григорием Турским как жена короля Хлотаря I (Clotaire I, умер в 561 г.) и мать Хильперика (Chilpéric, умер в 584 г.).

В каменном саркофаге, кроме останков королевы, археологами был также найден полный комплект королевского наряда с украшениями. Голова королевы была покрыта шелковой вуалью, прикрепленной к волосам с помощью двух золотых булавок и скрепленной в нижней части булавкой с тремя золотыми головками разной величины и формы. На королеве была также пара сережек, одна из которых предположительно является произведением византийских мастеров, вторая — ее грубая копия, выполненная, скорее всего, местным мастером. В комплект входят также две дискообразные золотые застёжки для туники. Подобные парные застёжки были распространены во второй половине VI в. на территории Италии и на юге Германии. Как показали лабораторные исследования, одна из них также оказалась копией, резко отличающейся от оригинала качеством обработки. Шелковое платье королевы на талии было перетянато ажурным серебряным ремнем, покрытым золотыми плакетками и украшенным овальной пряжкой.

Подлинным открытием захоронения № 49 стало, бесспорно, золотое кольцо, обнаруженное на большом пальце правой руки. Кольцо могло служить личной печатью королевы, так как на круглой гладкой поверхности легко читается надпись ARNEGVNDIS — десять латинских букв имени Арегонды, расположенные вокруг монограммы, которая и была расшифрована Мишелем Флери, как REGINE — королева. На основании этого кольца Арегонды археолог идентифицировал останки с личностью матери Хильперика, появившегося на свет между 537–539 гг. Известно, что Арегонда была выдана за Хлотаря в возрасте 15–20 лет, умерла примерно в 45 лет, т. е. около 565–570 гг. Однако вопрос о возрасте погребенной в захоронении № 49 особы до сих пор остается открытым. Поводом для сомнений послужило еще одно украшение королевского наряда: любопытные серебряные застёжки на кожаной обуви с ажурными зооморфными изображениями, выполненными в стилистике так называемого звериного стиля II, распространенного в Европе в конце VI в. Пряжки с подобным узором не могли быть созданы раньше двух последних десятилетий VI в. Исходя из этого, современные историки фиксируют дату смерти королевы около 590 г. К сожалению, этно-антропологический анализ останков не внес ясности в спо-

ры о возрасте королевы. Умерла ли королева в возрасте 45 или в 65 лет — для истории монастыря не столь важно. Открытие этого захоронения доказывает, что Сен-Дени был королевским акрополем в эпоху Меровингов и наверняка еще в VI в. мог поспорить за первенство при королевском дворе с аббатством Сен-Жермен-де-Прэ, которое принято считать главной усыпальницей династии Меровингов.

С приходом к власти Каролингов начинается новая фаза расцвета монастыря. Во второй половине VIII в. возводится новая базилика, которую используют для особо торжественных церемоний, и монастырь получает обширные привилегии. По одним источникам новую базилику в эпоху Пепина Короткого возвел аббат Фульрард (Fulrard), а в 754 г. Пепин был коронован в ней Папой римским Стефаном II как король франков⁷ в присутствии двух своих сыновей — будущего Карла Великого и Карломана (Carloman, умер в 771 г.).

По другим источникам, церковь Сен-Дени была построена уже после смерти Пепина Короткого. В частности, дошедший до наших дней «Манускрипт из Рейхенау», хранящийся в Landesbibliothek в Карлсруэ (Германия) с описанием базилики св. Дионисия, позволяет утверждать, что ее строительство относится ко времени Карла Великого, который вместе со своим братом Карломаном фигурирует в тексте как инициатор возведения новой церкви в память Пепина Короткого. В таком случае дату начала строительства можно определить промежутком времени между кончиной Пепина в 768 г. и смертью Карломана в 771 г., а освящение нового здания аббатом Фульрардом в присутствии Карла Великого — 775 г. «Манускрипт из Рейхенау» написан монахами Сен-Дени в тридцать первый год правления Карла Великого (пришел к власти в 768 г.), т. е. в 799 г., за год до коронации в римской базилике святого Петра. Около 830 г. манускрипт был отправлен в монастырь Рейхенау на озере Констанции, где он должен был прежде всего сыграть роль рекламы французского аббатства и привлечь внимание как обитателей монастыря, так и на самого короля, который готовился к ответственной встрече с папой Львом III в Падерборне.

Текст с описанием базилики — *Basilicasci Dyonicii*⁸ — занимает в манускрипте два листа и помещен после «Жития святого Мартина», заканчивающегося описанием широко известной базилики Сен-Мартэн-де-Тур, взятым из второй книги «Истории франков» Григория Турского. Монахи Сен-Дени не случайно дают описание своей церкви сразу после текста, повествующего о величии турецкого монастыря, тем самым они стремились еще более подчеркнуть значимость каролингской обители св. Дионисия.

Специалисты давно пытаются сопоставить это описание с результатами археологических раскопок, но очень многое из утверждений монахов конца VIII в. расходится с реальностью. Описания Сугерия, хотя и менее подробные, но в основном соответствуют дошедшим до нас частям монастырского

комплекса, что доказывают исследования, проведенные в последние десятилетия французским искусствоведом Аленом Ерланд-Вранденбургом.

Эпоха Каролингов стала для аббатства Сен-Дени временем накопления значительных королевских привилегий, которые позднее широко использовал Сугерий. Доказывая их древнее происхождение, он даже прибегнул к фальсифиции королевского диплома⁹, что было не новым и не столь редким явлением в средневековой практике, достаточно вспомнить прославивший самым древним королевским актом Франции и принадлежавший аббатству Сен-Жермен-де-Прэ фальшивый диплом Дагобера, написанный монахами этого монастыря для того, чтобы получить несуществующие привилегии и особый статус.

Все действия Сугерия, в том числе подделка исторического документа, были направлены на желание убедить весь мир, да и самого себя и своих монахов, в особом предназначении монастыря, в том, что построенная якобы Дагобером церковь была освящена самим Всевышним. Такое чудесное освещение с вмешательством небесных сил было необходимо не только Сугерию, но и другим аббатам Сен-Дени, стоявшим во главе монастыря задолго до Сугерия. Так, уже Илдуин в середине IX в. упоминает о чудотворном освещении первой базилики Сен-Дени. Здесь, без сомнения, усматривается сравнение с чудотворным крещением Хлодвиг в базилике Сен-Реми в Реймсе и стремление двух аббатов Сен-Дени доказать, что их обитель тоже была удостоена чудотворной силы Всевышнего. В самом деле, если во время крещения Хлодвиг в Рождество 496 г. с небес спустился голубь с ампулой священного елея, на протяжении веков использовавшегося при коронации французских королей для обряда помазания, то почему аббатская церковь Сен-Дени не могла быть освящена самим Христом, как утверждают Илдуин и Сугерий, и тем самым ей было предначертано стать главной обителью Французского королевства.

Не только легенда о чудесном освещении церкви используется Сугерием, но и имя и реликвии святого Дионисия помогают аббату в реализации его художественно-эстетической программы при перестройке аббатской церкви. Историко-философская концепция Сугерия по идентификации личности покровителя монастыря является еще одним доказательством того, что все его нововведения имели под собой исторические предпосылки и преследовали политические цели. Не он первым отождествил трех Дионисиев¹⁰ в образе парижского епископа, который был отправлен Папой римским в Галию проповедовать слово Божие парижанам и был замучен вместе с двумя своими сподвижниками — Рустиком и Елестером — на горе Монмартр. Варвары Галуа обезглавили его, но святой, в утверждение веры Христовой, смог подобрать свою отрубленную голову, все еще увенчанную митрой, и донести ее до места своего захоронения в парижском пригороде *Catuliacus*¹¹, преодолев как минимум около пяти километров.

Впервые жизнь покровителя аббатства Сен-Дени обогатилась легендами в эпоху Каролингов, при аббате Илдуине, который при написании нового «Жития святого Дионисия» отождествил его сначала с Дионисием Ареопagitом¹², а затем приписал ему труды Псевдо-Дионисия¹³. Сугерий укрепил заблуждение в тройной идентичности святого Дионисия во благо своей обители и сделал это настолько убедительно, что на протяжении многих веков эту идею никто не подвергал сомнению. Охотно верили в это не только французы, но и вся Европа. Православный мир также признал эту версию, подтверждением чему служит подаренный Мануилом Палеологом (1391–1425) аббатству Сен-Дени в 1408 г. иллюминированный манускрипт с трактатами Псевдо-Дионисия Ареопagита (1403–1405; 237 л. фолио 31 × 21 см.; Лувр, MR 416). Император константинопольский специально для Сен-Дени заказал греческую копию его трудов, обогатив манускрипт двумя миниатюрами: изображением автора текста и портретом самого императора и его семьи.

Не удивительно, что в таком контексте влияние теорий Псевдо-Дионисия Ареопagита ощутимо во всех четырех дошедших до нас сочинениях аббата Сугерия, особенно в «Повествовании об административной деятельности аббата Сугерия» и «Описании освящения церкви Сен-Дени»¹⁵. Дополненные «Житием Сугерия», они позволяют судить о значимости философских и теологических убеждений аббата в целом, его политическом влиянии во Французском королевстве и о его роли в зарождении готической архитектуры. Благодаря этим манускриптам, нам известны не только даты, но и многие другие подробности, связанные со строительством первой готической церкви.

Особую роль в перестройке церкви Сен-Дени сыграли и сами реликвии святого Дионисия. Сугерий не раз подчеркивал необходимость расширения и облагораживания места поклонения святому, ссылаясь на увеличение числа паломников в монастырь. Так, дважды он описывает сцену паломничества в престольный праздник аббатства, когда толпа, устремленная в крипту к святым мощам, была столь многочисленной, что в определенный момент становилась неуправляемой и дело порой доходило до смертельных исходов. Особенно плохо, по словам Сугерия, приходилось женщинам, некоторые не выдерживали напора толпы и, испуская душераздирающие крики, становились ее жертвами. Монахам же, находившимся по своему долгу у святых реликвий, приходилось в прямом смысле слова «спасаться с ними через окна». Такие ужасные сцены не могли оставить его равнодушным, и при первой же возможности он, подталкиваемый своими чувствами и стремлением души, предложил расширить помещение.

Сугерий пытался таким образом в произведениях объяснить свои решительные действия в перестройке архитектурного пространства абсиды церкви. Дело в том, что аббат полностью изменил место поклонения святым,

переместил не только неприкосновенную раку с мощами, но и алтарь, что противоречило устоявшимся традициям и не соответствовало его же собственным утверждениям о почитании святилища предков — церкви построенной Дагобером и освященной самим Христом. Как истинный христианин, Сугерий не мог не почитать столь священную постройку, и в своих трудах, как бы оправдываясь, неоднократно подчеркивал, что все древние камни были им сохранены и использованы в новом здании.

Сугерий не жалел средств для благоустройства и убранства святилища, куда реликвии святых были перенесены на плечах самого короля Франции, помазанника Божьего. Он стремился придать аббатской церкви роскошный вид, значительно пополнил сокровищницу Сен-Дени, богатство которой непосредственно влияло на признание могущества монастыря.

Сегодня осталось лишь несколько свидетельств разного рода о коллекции Сугерия, а о ее разнообразии в общих чертах позволяют судить пять гравюр начала XVIII в., выполненных для иллюстрации «Истории королевского аббатства Сен-Дени» Мишеля Фелибьена. Основная часть сокровищ была расхищена, а золотые и серебряные изделия отправлены на переплавку в 1793 г. во время Великой французской революции. Из всей великолепной коллекции Сугерия, считающейся самой роскошной и значительной из всех французских сокровищниц, сохранилась только небольшая часть предметов, хранящихся сегодня в различных музеях мира¹⁵. У каждой из них своя история создания, но все они являются шедеврами средневекового искусства, как, например, знаменитый «трон Дагобера». Сугерий не скупился на повествования о сокровищнице своего монастыря и с удовольствием описывал те произведения искусства, которые производили на него наиболее яркое впечатление. Так, мы находим у Сугерия описание трех ваз, украшающих сегодня коллекцию средневекового прикладного искусства Лувра. Благодаря его красноречивому перу, одну из них, «Хрустальный кувшин», ассоциируют с вазой, полученной Сугерием от Тибо, герцога Блуа и Шампани, которая к последнему попала от Роже II, короля Сицилии. Аббат Сен-Дени также рассказывает о том, как он обнаружил в одном из ларцов монастыря античную вазу из столь редкого камня, как порфир, и у него возникла идея придать ей форму орла («...de amphora in aquilae formam transferendo...»). Она так и осталась в истории под названием *Aigle de Suger* («Орел Сугерия»). Третью вазу Сугерий получил в подарок от Людовика VII, она была частью приданого его первой жены Алиеноры Аквитанской.

Смог бы Сугерий создать такую знаменитую коллекцию в другом, менее известном монастыре? Однозначно нет, ведь сокровища в ней выделялись не только своим богатством, но прежде всего уникальностью и исторической значимостью. Так, те же вазы, описанные выше, не могли бы принадлежать другому монастырю: античный порфир для вазы «Орел Сугерия» хра-

нился в монастыре, а ваза Алиеноры была подарена королем не просто Сугерию, а аббату Сен-Дени в сокровищницу королевского монастыря, где находились и регалии королевской власти, которые использовались при коронации французских монархов в Реймском соборе.

Историческая роль аббатства постоянно подчеркивается и самим Сугерием в его сочинениях, а в двух из них — «Повествовании об административной деятельности аббата Сугерия» и «Описании освящения церкви Сен-Дени» — сквозной нитью проходит желание аббата убедить окружающих в правильности своих действий, в исторической потребности радикальных изменений в монастыре и в неизбежности огромных финансовых затрат. Доказывая легитимность своих нововведений, Сугерий не скупится на оправдания, которые были ему действительно необходимы для того, чтобы снискать понимание современников и поддержку королевской семьи. Не нужно забывать, что во второй четверти XII столетия, именно тогда, когда Сугерий осуществляет кардинальную перестройку главного святилища монастыря, цистерцианские идеи Бернара Клервоского пользуются огромным влиянием при французском дворе. Основатель клервоской обители разворачивает активную пропаганду цистерцианского образа жизни, отвергая всякое изящество и роскошь в убранстве храмового зодчества, призывая к простоте и строгости облика монастырей. Идеи Сугерия противоречили идеям Бернара, к чьему мнению прислушивался не только Людовик VII, но и сам Папа римский. Главным доводом в защиту изящества архитектуры, исключительного освещения хоры и необычайной пышности и красочности оформления западного фасада аббатской церкви Сен-Дени были для Сугерия уникальность реликвий и особый статус его обители, которые вынужден был признать даже будущий святой Бернар, самый влиятельный религиозный деятель Европы первой половины XII в.

Не известно, знал ли Сугерий о наличии меровингского акрополя и об описании аббатской церкви VIII в. в «Манускрипте Рейхенау», но ссылается он в основном не на конкретные исторические факты, а на легенды. Две наиболее важные из них¹⁶, приведенные выше, позволяют ему осуществить свою грандиозную программу: ведь столь священная обитель должна иметь все самое прекрасное и совершенное, ибо внешний облик и убранство монастыря отражают его величие, а также необычность и особую сакральную значимость хранящихся в нем святынь. Археологические и исторические исследования последней четверти XX в. пополнили историю Сен-Дени новыми фактами, которые в не меньшей степени доказывают историческую значимость монастыря, чем легенды, которые помогли Сугерию осуществлять свои новшества в храмовом зодчестве.

Вряд ли даже такой тонкий дипломат и талантливый администратор, как Сугерий, смог бы осуществить свои амбициозные планы в менее значи-

мом аббатстве и стать не только *Pure de la Patrie* (отцом Отечества)¹⁷, но и «крестным» готической архитектуры. Бургундская стрельчатая арка, нормандский свод на перекрещивании оживов, лучистые капеллы были всего лишь техническими средствами, которые меньше всего занимали мысли Сугерия. Главным для него было залить Божественным светом, играющим в витражах, необычайно просторную абсиду со священными реликвиями, а главный вход в самую древнюю и влиятельную церковь французской короны превратить в небывалой красоты триумфальную арку, достойную стоять у входа в священный Иерусалим¹⁸.

Если без Сугерия монастырь Сен-Дени вряд ли стал бы колыбелью готической архитектуры, то еще менее вероятно, что он стал бы основателем этого стиля в другом аббатстве. Исторические привилегии Сен-Дени еще раз доказывают, что для возникновения н о в о г о¹⁹ французского архитектурного стиля, который в эпоху Ренессанса был назван г о т и ч е с к и м, «понадобились особые стечения обстоятельств и уникальное сочетание личных качеств» Сугерия. Панофский написал эти слова об литературных произведениях, созданных аббатом Сен-Дени, они также могут быть по праву сказаны и об архитектурном стиле, основы которого были заложены все тем же Сугерием, которому, «по стечению обстоятельств», довелось стоять во главе самого важного королевского аббатства Франции.

¹ Архиепископат Санса зависел непосредственно от Папы римского и выполнял роль метрополии в средневековой Франции, которой подчинялись все епископаты Галлии, в том числе и Париж; последний получает статус метрополии, возглавляемой архиепископом, только в 1622 г.

² Научно-религиозный орден святого Мора (l'ordre de Saint-Maur) был создан в аббатстве Сен-Жермен-де-Прэ в Париже в XVII в. и просуществовал до Великой французской революции (1789). Из кругов мористов вышли известные историки и палеографы. Именно они начинают изучать и издавать архивные документы и королевские хартии, связанные с историей Франции. Они первые ведут исторические и археологические исследования и составляют истории различных французских монастырей. В частности, истории аббатств Сен-Жермен-де-Прэ, Сен-Мартэн-де-Шамп и другие были написаны мористами в XVII–XVIII вв. Королевским аббатством Сен-Дени занимался Мишель Фелибьен (Michel Félibien), им и была написана первая монографическая работа, посвященная Сен-Дени: *Histoire de l'abbaye royale de Saint-Denis en France* (История королевского аббатства Сен-Дени во Франции). Р., 1706.

³ Архитектурой и историей аббатства Сен-Дени занимались многие западные медиевисты XX в.: Жюль Формижье (*Formigé J. L'abbaye royale de Saint-Denis*. Р., 1960); Эрвин Панофский; С. МакНайт Кросби, руководивший археологическими раскопками на территории монастыря (*MacKnight Crosby S. L'abbaye royale de Saint-Denis*. Р., 1953; *The Royal Abbey of Saint-Denis from its beginnings to the death of Suger. 475–1151*. L., 1987; *The royal abbey of Saint-Denis in the time of abbot Suger (1122–1151)*. N. Y., 1981); Мишель Флери (Michel Fleury), возглавлявший раскопки Сен-Дени после Кросби; Рольф Гросс (Rolf Große), изучавший архивные документы Сен-Дени (*Suger en question. Regards croisés sur Saint-Denis*, dir. Rolf Große. München (Oldenbourg), 2004).

⁴ См.: Ювалова Е. П. Сложение готики во Франции. М., 2000. К архитектуре монастыря Сен-Дени Е. П. Ювалова обращается и в более ранних своих статьях: О некоторых интерпретациях ранней и высокой готики в современном западном искусствознании. М., 1977. С. 30–65; Переход от романики к готике во французском искусстве // Эпохальные рубежи в истории искусства Запада / Гос. Ин-т искусствознания. М., 1996. С. 47–61.

⁵ Готика. М., 2000. С. 9, 31.

⁶ Жена Хлодвиг II (Clovis II) и мать Хлотера III (Clotaire III) была регентшей своего сына в 657–664 гг., после чего ушла в Шелльский монастырь, по инициативе этого монастыря она была причислена к лику святых после своей смерти.

⁷ Это была вторая коронация Пепина Короткого, первая состоялась в Суассоне в 751 г.

⁸ Текст с описанием базилики Сен-Дени был обнаружен французскими палеографами только в середине прошлого века. Впервые он был опубликован на латинском языке в 1980 г., а перевод на французский язык появился лишь в 2002 г.

⁹ Вопросом фальсификации документов в аббатстве Сен-Дени при Сугерии занимаются Л. Морель и Ж. П. Клаузен. Об этом см.: *Clausen J. P. Suger, faussaire de chartes // Suger en question. Regards croisés sur Saint-Denis*, dir. Rolf Große. München, 2004. С. 109–116.

¹⁰ Святой Дионисий, епископ Парижа; святой Дионисий Ареопагит, епископ Афин и Псевдо-Дионисий, сирийский теолог.

¹¹ Под таким названием в эпоху раннего Средневековья был известен парижский пригород, где, по легенде, святая Женевиєва построила часовню над могилой первого парижского епископа.

¹² Афинским епископом, обращенным в христианскую веру самим апостолом Павлом. Таким образом, в новом «Житии» святой Дионисий, первый епископ Парижа, стал одновременно учеником одного из самых известных апостолов Христа.

¹³ Сирийский теолог, живший в VI в., чье имя до нас не дошло. Примерно в то же время, когда писалось новое «Житие» парижского Дионисия, византийский император Михаил II подарил французскому королю Людовику I (814–840) манускрипт трактатов, автора которых ошибочно отождествляли в Средние века с Дионисием Ареопагитом, учеником апостола Павла (сейчас его называют Псевдо-Дионисием Ареопагитом). Воспользовавшись стечением обстоятельств, Илдуин приписал покровителю своей обители и авторство теологических трактатов.

¹⁴ Корпус сочинений Сугерия составляют: «Gesta Sugerii abbatis» («Повествование об административной деятельности аббата Сугерия»), «Scriptum consecrationis ecclesie Sancti Dionysii» («Описание освящения церкви Сен-Дени»), «Vita Ludovici Grossi» («Жизнеописание Людовика VI Толстого»), «De glorioso rege Ludovico, Ludovici filio» («Жизнеописание Людовика VII, сына Людовика VI»). Все четыре произведения дошли до нас в средневековых латинских копиях. В оригинале сохранился лишь манускрипт с описанием жизни Сугерия, написанный сразу после его смерти монахом Вильгельмом. Единственный перевод на русский язык нескольких страниц из самого большого труда Сугерия «Gesta Sugerii abbatis», посвященного его административной деятельности, был опубликован в 1941 г. в «Ученых записках института им. Герцена», но это издание давно стало библиографической редкостью.

¹⁵ Примерно половина из дошедших до нас предметов из сокровищницы Сен-Дени хранится в музеях Франции, около 30 — в Лувре, остальные в Metropolitan Museum, в National Gallery в Вашингтоне, в Taft Museum of Cincinnati, в British Museum в Лондоне.

¹⁶ Легенда о приписывании святому Дионисию, первому епископу франков, трактата о «Небесной иерархии» и о якобы построенной Дагобером и освященной самим Христом церкви

¹⁷ Так был назван Сугерий Людовиком VII после своего возвращения из Второго крестового похода.

¹⁸ О важности декора центрального портала и его позолоченной двери говорил еще

Панофский. У Сугерия мы постоянно находим намеки на священный Иерусалим в его описаниях новой церкви.

¹⁹ В XII в. во Французском королевстве готический стиль в архитектуре называли новым стилем, а в Европе, начиная с XIII в., использовали название французский стиль. Термин готика появляется только в эпоху Ренессанса.

Статья поступила в редакцию 01.09.2007 г.

Е. А. Баженова

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УРАЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

В настоящее время наблюдается большой интерес к проблеме идентичности со стороны различных ученых. Исследования идентичности, с одной стороны, становятся отдельной отраслью знания, с другой — идентичность является той призмой, через которую преломляются многие черты современной жизни.

Федерализация российского пространства приводит к активному поиску регионами своей собственной идентичности, поэтому обращение к проблеме региональной идентичности и механизмам ее репрезентации кажется нам весьма актуальным. Кроме того, региональная идентичность в условиях переходного характера современного российского общества, неудач политических и экономических реформ 1990-х гг. становится основой формирования национальной идентичности. В связи с этим необходимо новое теоретическое осмысление проблемы региональной идентичности.

В рамках нашего исследования мы прежде всего сосредоточимся на описании социокультурных механизмов репрезентации уральской идентичности в индустриальный период (XIX — начало XX в.).

Одним из ярких механизмов формирования уральской идентичности в индустриальную эпоху стали промышленные выставки в Екатеринбурге, которые давали наглядное представление о регионе: «подробную и верную картину естественных богатств и производительности уезда и города»¹. Не случайно в программе высочайших визитов с 1830-х гг. появляется почти обязательный пункт: осмотр выставки местных изделий. Известный французский социолог Ле-Пле как-то заметил, что путешествия в гуманитарных науках играют ту же роль, что опыты в науках естественных.

БАЖЕНОВА Евгения Анатольевна — заместитель руководителя отделения высшего профессионального образования Екатеринбургской академии современного искусства (E-mail: bagenov@netman.ru).

© Баженова Е. А., 2007